

ЭТНИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

ОБРАЗЫ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» В ГЛУБИННЫХ ИНТЕРВЬЮ С КАРЕЛАМИ И ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ В КАРЕЛИЮ

Юлия Валерьевна Литвин

(litvinjulia@yandex.ru)

Светлана Эрккиевна Яловицына

Федеральный исследовательский центр
«Карельский научный центр Российской академии наук»
Петрозаводск, Россия

Цитирование: Литвин Ю.В., Яловицына С.Э. (2019) Образы «свой — чужой» в глубинных интервью с переселенцами в Карелию и карелами. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 22(2): 147–172. <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.6>

Аннотация. Республика Карелия часто воспринимается с точки зрения межэтнических отношений как территория согласия. Однако миграционные процессы рубежа XX–XXI вв. вносят определенные коррективы в это мнение (конфликт в г. Кондопога, 2006 г. и др.). Изучение общественного дискурса в отношении контактов коренных и некоренных групп важно для формирования региональной национальной политики и достижения стабильного развития. Цель статьи — характеристика взаимных представлений карелов и переселенцев последних 20–30 лет в Республике Карелия и маркеров этнокультурных границ между ними. Информационной основой служат глубинные биографические интервью, проводившиеся в трех городах Республики Карелия — Петрозаводске, Олонце, Костомукше — в 2018 г. с карелами и переселенцами с территории Кавказа и Средней Азии. В методологическом плане авторы ориентируются на принципы и подходы понимающей социологии, в связи с чем используются развернутые неструктурированные интервью вокруг главного исследовательского вопроса о характере взаимоотношений мигрантов и принимающего населения (карелов). Используемые методы глубинного интервьюирования, работа в исследовательской группе с многоэтапной интерпретацией полученных материалов (персональной, коллективной, с участием информантов и исследователей) позволяют представить широкую мотивированную палитру мнений о характере отношений мигрантов с карелами. В ходе исследования выявлены пространственные особенности межэтнического взаимодействия в городах Карелии, фиксация информантами временных изменений в контактах между группами, зоны непонимания и напряженности, определяемые в том числе с помощью маркеров этнокультурных границ (в частности, языковых и поведенческих).

Ключевые слова: этнокультурная идентичность, мигранты, принимающее общество, Карелия, стереотипы, этнические границы, глубинное интервью.

Введение

Республика Карелия — регион России, расположенный на Северо-Западе. С одной стороны он граничит с Финляндией, с другой — находится вблизи к крупному российскому городу Санкт-Петербургу. Географическое положение республики является одним из факторов активного международного и межрегионального сотрудничества, миграционного обмена. Кроме того, историко-культурное наследие края — длительное взаимодействие прибалтийско-финской и восточнославянской культур — задали вектор межэтнических отношений на различных уровнях: от экономических до родственно-семейных связей. В последние несколько десятилетий Карелия стала территорией миграционного притяжения для представителей кавказских и среднеазиатских республик.

Карелы — «титულный» этнос, давший название республике, сталкиваются с серьезными вызовами своей идентичности под влиянием демографических и миграционных процессов*. Эти вызовы могут не только размывать этническую идентичность карелов, но и при определенных условиях служить импульсом к ее осмыслению.

Анализируя сложность феномена идентичности в современных государствах, исследователи выделяют основные линии, в результате активизации которых происходит изменение (усложнение) представлений об этническом. В частности, этнологи пишут об изменении центров миграционной подвижности после распада СССР, появлении политики мультикультурализма и о создании крепких диаспор в местах нового проживания**. Одновременно фиксируется рост этнического и регионального активизма среди аборигенного или старожильческого населения (так называемый «феномен корней») (Тишков, Филиппова 2016: 5). Актуализация этнического, как и любого другого, компонента в структуре социальной идентичности приводит к процессу стереотипизации, т.е. упрощению картины мира и его систематизации таким образом, что различия между социальными группами представляются существующими априорно.

* Стремительное сокращение численности карелов уже давно вызывает тревогу у научного сообщества Карелии. По данным переписи 2010 г., в Карелии проживают 45 570 тыс. карелов, или 7,4 % от общей численности населения республики. В то время как еще в начале 1990-х годов их насчитывалось 10 %.

** Ряд социологов предлагают сместить исследовательский фокус с политики мультикультурализма (как способа сосуществования представителей различных культур) на интеркультурализм (как стратегию взаимодействия различных культур). Подробнее см.: (Варшавер, Рочева, Иванова 2017; Зусман, Сиднева, Гронская 2013).

Социальные стереотипы помогают выстраивать собственную социальную идентичность, причем нередко методом «от противного» по отношению к «другому». В целом конструирование стереотипов предполагает процесс категоризации и приписывания смыслов наблюдаемым признакам, их фиксацию, в том числе в этнических категориях (Краснопольская, Солодова 2013: 26). Сквозь призму рассмотрения этнических стереотипов изучаются, в частности, межгрупповые отношения, образы мигрантов в принимающем обществе и характеристики, приписываемые переселенцами местному сообществу.

Исследование также ориентируется на концепцию Ф. Барта об этнической границе. Граница организует этнокультурные различия и придает им оформленный вид через набор значимых символов — маркеров. При этом содержание понятия «этническая группа» подвижно, как и сами этнические маркеры, которые могут реорганизовываться под воздействием социально-экономических и политических факторов (Barth 1994: 12). Р. Брубейкер и А. Виммер развили этот подход, предлагая сфокусироваться не на «группах» (например, карелах, чеченцах и т. д.), а на социальных контекстах, в которых производятся этнические границы и организуются противопоставления на основе культурных отличий (Брубейкер 2012; Wimmer 2008). Указанные подходы будут использоваться авторами*.

Одним из контекстов, в котором производятся отличия, является экономическая или, шире, экологическая сфера. Ф. Барт указывал на существование разных экологических ниш, которые могут быть освоены определенными этническими группами. Появление новой группы при сохранении объема ресурсов на прежнем уровне создает условия для конкуренции, которая может осмысливаться в этнических терминах. Теория этнической конкуренции основывается на том, что соперничество между этническими группами за ресурсы (собственность, работу, деньги и власть) может создавать условия для негативного отношения между ними и одновременно усиливать внутригрупповую (этническую) идентификацию. В зависимости от этнической структуры общества, большинство и меньшинство будут иметь различные позиции в структуре этнической иерархии (Barth 1994: 23; Hagendoorn, Pope 2017). В зависимости от исходных данных (наличия или отсутствия ресурсов, освоенности или неосвоенности ниши, общего социально-экономического контекста и других условий) сценарии адаптации могут различаться.

* Авторы статьи используют понятия «этническая группа», «народы», «межнациональные отношения», отдавая себе отчет в пластичности этих категорий и их подвижности.

Тема взаимодействия мигрантов с местным населением современной Карелии затрагивается в незначительном числе работ. Массовые этносоциологические исследования Е. И. Клементьева, А. А. Кожанова, З. И. Строгальщиковой, В. Н. Бирина обозначили в свое время широкий спектр исследовательских вопросов*. В последние десятилетия карельские этносоциологи и экономисты уделяли внимание исследуемой проблеме, основываясь преимущественно на данных официальной статистики или массовых опросов (Бирин 2008; Джеглав 2010; Дробижева, Рыжова 2017; Клементьев 2009; Михель, Морозова 2010). В последние годы проблему адаптации мигрантов в Карелии исследует С. Э. Яловицына (Яловицына 2008; 2018).

В центре внимания статьи — представления о переселенцах Карелии периода 1990–2000-х годов, отразившиеся в интервью с карельским населением, а также характеристики, данные переселенцами в отношении карелов. Несмотря на неблагоприятную для карельского населения демографическую и этноязыковую ситуацию, в результате которой они фактически составляют «титularyное меньшинство», авторы статьи считают важным рассмотреть этот сюжет. Оценка степени «карельскости» республики в разговорах с переселенцами — это не только индикатор «видимости» карелов в городской среде, но и возможность понять уровень осведомленности и интегрированности мигрантов в местное сообщество (в том числе через знания о специфике региона их проживания). Беседа с карелами о мигрантах позволяет представить определенную картину восприятия ими иноэтнических групп, которые проживают в республике последние 20 лет. В этой связи на данном этапе исследования в поле зрения авторов не попало русское большинство Карелии. Задача исследования заключалась в выявлении взаимных границ «своего» и «чужого» пространства посредством описания «другого». В качестве объекта выбрана повседневная бытовая составляющая общественного дискурса**.

Методика исследования. Авторы использовали методы и подходы понимающей социологии, ориентированной не столько на количественные показатели, сколько на выявление мотивов, суждений, оценок конкретных людей и социальных групп. Согласно цели статьи, дизайн исследования

* О становлении этносоциологии в Карелии и некоторых важнейших публикациях см.: (Клементьев 2015).

** Под дискурсом вслед за Т. ван Дейком будем понимать коммуникативное событие между говорящим и слушателем в совокупности вербальных и невербальных явлений с учетом социальных (мнения и установок, социального и этнического статуса и др.) факторов говорящего (Темнова 2004: 24–25).

базировался на качественной методологии — биографическом интервью, которое проводилось на основе списка ключевых тем. Данный подход не предполагает распространения его результатов на всю генеральную совокупность — всех карелов и мигрантов Карелии. Качественные исследования нацелены на реконструкцию смысла и не строят репрезентативно обобщенных выводов (Рождественская 2012: 102). Ключевые темы биографического интервью были разработаны авторами с опорой на труды признанных специалистов в области качественного социологического исследования (Готтлиб 2004; Рождественская 2012). Стандартизированная анкета не использовалась, поскольку интервью рассматривались как пилотные для дальнейших этапов исследования. Тематика бесед касалась различных сторон жизни — детства, обучения, трудоустройства, создания семьи, переезда и его причин (в случае с мигрантами) и пр. Для решения поставленных задач некоторым информантам давался импульс к осмыслению межгруппового взаимодействия. В частности, после биографического рассказа исследователь прибегал к детализации. Невмешательство в повествование информанта, возможность самостоятельно конструировать свою жизнь (или ее фрагмент) в ходе интервью дополнялись немногочисленными исследовательскими вопросами на последнем этапе интервью (Готтлиб 2004: 176). Разработка категориального аппарата, первичные результаты обсуждались в исследовательской группе.

Исследование проводилось в 2018 г. в трех городах Карелии: Петрозаводске, Олонце и Костомукше. Выбранные города формировались порозному, и отличия состава населения в них существенны для исследования. Петрозаводск — республиканский центр, средоточие приезжих с разными целями людей, часто временных мигрантов. Олоонец — старейший карельский город, военный форпост, вплоть до последней четверти XVIII в. он сохранял также главное административное значение. В настоящее время в Олонце живет больше карелов, чем в каком-либо ином городе республики. Костомукша — интернациональная стройка 1980-х годов.

Интервью записывались с представителями коренного населения Карелии (избрана одна группа — карелы, 23 человека) и переселенцами с территорий Средней Азии и Кавказа (19 человек)*. Для глубинного интервьюирования избирались представители переселенцев с территории

* Отметим, что в связи с длительной историей межэтнического взаимодействия карелов с русскими, финнами, а также с середины XX в. с белорусами и украинцами, образы указанных этнических групп глубоко укоренены в сознании карельского населения. Данный вопрос частично рассматривался одним из авторов статьи и не входит в поле зрения настоящего исследования.

Кавказа и Средней Азии, которые, по их же свидетельствам, часто сталкивались со сложностями адаптации в Карелии. Они объяснялись и природно-климатическими условиями республики, и внешними антропологическими, и поведенческими особенностями самих переселенцев. В группе мигрантов опрошено десять мужчин и девять женщин. Среди них представители аварцев (1 чел.), азербайджанцев (4), армян (3), даргинцев (2), ингушей (2), таджиков (1), узбеков (4), чеченцев (2). Выбор представителей данных этнических групп обусловлен низким уровнем толерантности у принимающего сообщества в отношении выходцев с указанных территорий. Данное обстоятельство было зафиксировано в более ранних исследованиях (Милюкова 2006). Важным критерием для выбора информантов была длительность проживания в Карелии — не менее пяти лет. Данное условие позволило получить мнение людей, которые уже имеют некоторый опыт жизни в Карелии и взаимоотношений с местными жителями. Предпочтение отдавалось людям в трудоспособном возрасте, поскольку эта категория составляет большинство среди приезжих. Выбор коренного населения осуществлялся по возрастным и гендерным критериям. В ходе исследования было опрошено 14 мужчин и девять женщин. Большинство карелов находились в возрастном диапазоне 35–55 лет — наиболее мобильная группа, контактирующая ситуативно или в силу профессиональной занятости с представителями Северного Кавказа. В целом выборка формировалась методом снежного кома на основе самопричисления информантов к этнической группе до «эффекта насыщения», т.е. выбор следующего респондента происходил таким образом, чтобы его случай по возможности максимально отличался от уже проинтервьюированного (Рождественская 2012: 102). Приоритет отдавался качеству и полноте информации, полученной в ходе интервью. Демографические характеристики, социально-профессиональный статус учитывались, но не играли ведущую роль при формировании группы информантов. Представленные здесь материалы — первое приближение к осмыслению взаимных образов и стереотипов, зафиксированных в ходе опроса.

В круглых скобках указаны фрагменты из бесед, где номер присвоен информанту, а литера отсылает к разным частям (цитатам) одного интервью. Список информантов представлен в конце статьи. Авторы указывают в списке пол, возраст, этническую принадлежность, место жительства. При цитировании материалов интервью стилистика речи сохранена. Избыточные для понимания смысла фрагменты исключены из высказывания и отмечены угловыми скобками, в квадратные скобки заключены логические дополнения авторов, в круглые — невербальные жесты, эмоциональные реакции информантов.

Образы мигрантов у карелов: пространственно-временное измерение этнических стереотипов

В Олонце — городе, в котором проживает более 30 % карелов, ожидаемо более четко, чем в Костомукше и Петрозаводске, описывается образ «другого». Данный момент обусловлен чеченскими военными кампаниями и переселением в Олонц беженцев с Северного Кавказа. На вопрос о переселенцах многие олончане вспоминали первую волну мигрантов из Чеченской Республики в 1990-е годы, использовали такие характеристики, как «страшно», «агрессия», «криминал», также упоминались такое понятие, как «клановость», и попытка навязать чуждые местному сообществу устои, правила поведения. Указанный этап в жизни города молодое поколение описывало особенно ярко, поскольку он пришелся на их подростковый период. Один из собеседников, родившийся в Олонце, рассказывал, что взаимодействие с мигрантами стало импульсом к актуализации его этнической идентичности: *«Да, наверное (пауза) так остро, конечно, не задумывался, но бывали, конечно, моменты. Были 90-е года, когда подростком было обидно, конечно (пауза) Олонецкий район был, конечно, в связи с чеченскими кампаниями, (пауза) очень активно стали пребывать так называемые беженцы. <...> Ну, и вели себя соответственно очень агрессивно, создавая негативный образ на всем своем народе. И соответственно, когда люди какие-то приезжают и живут с тобой рядом на твоей земле, а чувствуют себя хозяевами, а к тебе относятся как к какому-то (пауза) ну, вообще недочеловеку. Было обидно. Немножко, конечно, задевало какое-то самосознание, что ты, вроде же, карел, на своей земле»* (фрагмент (далее — фр.) 1).

Карелы описывают мигрантов с позиций их поведения, черт характера, которые осмысляются в терминах «тогда — сейчас» (1990-е годы — 2018 г.). Например: *«Они свои хотели все законы ставить, а тут свои есть. Не надо со своим уставом в чужой монастырь. А теперь нет, теперь они уже совсем по-другому»* (фр. 3); *«Попробовали тут строить. Не, все боятся их, с ними связываться. Ну, может есть и которые (пауза) но я не связываюсь»* (фр. 4); *«нельзя в чужом доме устанавливать свои порядки. (пауза) Сейчас я в принципе, наверное, оцениваю в целом такое состояние [как] нормальное»* (фр. 2).

В момент проведения опроса ситуация описывалась в позитивных терминах: *«ассимилировались», «спокойные», «успокоились», «вжились», «стали более нормальные»* и т. д. Причем некоторые собеседники подчеркивали значимость общей экономической ситуации в стране в 1990-е годы: *«Этот процесс он как бы неотделим от общей ситуации в стране. <...> Криминалитет в то время был (пауза) он глобальный»*

носил масштаб. <...> Но у нас, да, было, может быть, просто ярко» (фр. 5). Этот же собеседник упомянул о роли СМИ как источнике формирования негативного образа чеченцев и перевода одного крупного бытового конфликта в этнический*.

Один из сюжетов, затрагиваемый в интервью с карелами, касался частичного перераспределения экономических сфер, который можно описать с точки зрения теории этнической конкуренции. Представление о равенстве возможностей для разных этнических групп, а следовательно, о наличии в реальной жизни недифференцированного отношения к ним, следующим образом сформулировал один из бывших сотрудников органов местного самоуправления: «нельзя потакать. Именно конкретно властям. <...> Требования должны быть одинаковыми. <...> Я говорю об одинаковом отношении» (фр. 2а). Эта фраза также свидетельствует об испытанных информантом-карелом ситуациях конкурентного взаимодействия с переселенцами. В период проведения интервью фактор этнической конкуренции сохранялся, что уже не мешает давать комплементарные оценки труду мигрантов, их работоспособности: «...пилорамы держат, чечены эти работают. Прихожу [на пилораму], они мне всё готовы дать, хоть чего. А наши не хотят работать!» (фр. 3а). Ситуация в Олонце иллюстрирует процесс адаптации в экономической сфере (Barth 1994: 24). Конкуренция за ресурсы в непростых экономических условиях 1990-х годов со временем привела к монополизации отдельной производственной ниши. Необходимость в результатах труда создала условия для приспособления, взаимодействия между группами и компромисса. Конкретизируя эту форму адаптации применительно к олонечкой ситуации, можно сформулировать мысль следующим образом: местным жителям нужны лесоматериалы, мигрантам необходимы рынки сбыта. Исследователи феномена этнической конкуренции предлагают не абсолютизировать роль экономического фактора, указывая на ряд других составляющих, приводящих к социальной дистанции (например, пол и гендерная идентичность, возраст, вероисповедание, различия в культурных и религиозных практиках) (Nagendoorn, Pore 2017), а также подчеркивают, что этнические конфликты чаще являются инструментальными, а не вызванными «изначальной, исконной ненавистью» (Esteban J. et al. 2012). В случае с Олонцом очевиден комплекс факторов: экономическая нестабильность в стране и регионе дополнилась различными религиозными и культурными прак-

* Информант имел в виду массовые беспорядки в Кондопоге, вызванные убийством двух горожан представителями Республики Чечни и Дагестана в 2006 г. См., например: (Гнездилов 2006: 20–21; Ахмадов, Баудинов 2017).

тиками прибывших и местных жителей, а также вмешательством в процесс республиканских властей.

Мужчины-информанты также говорили о таких качествах чеченцев, как проявление уважения к старшим: «Я, например, встречаю на улице среди них более уважительное отношение к пенсионерам, например, чем со стороны даже местного населения» (фр. 5а), отсутствие алкоголизма у старшего поколения переселенцев с Кавказа. В то же время некоторые женщины описывали противоположную картину — неуважительное к ним отношение. Приведем примеры: «За тобой машины не ездят, тебе не свистят, не сигналият и за тобой не бегут. <...> за 40 [лет], они уже спокойные и адекватные, вежливые. А эти — 30, 20... Они ведут себя так же, как вели те [которые прибыли в 1990 гг.]» (фр. 6); «Они [дети чеченских мигрантов] на “ты”, во-первых, обращаются» (фр. 7). Вероятно, это объясняется различиями в гендерной картине мира карелов и представителей кавказских республик, у последних она отличается большей патриархальностью и насыщена положительными образами маскулинности.

В ходе опросов было зафиксировано несколько примеров принятия чеченцами региональной карельской идентичности, что объяснялось ими местом рождения детей: «И родились здесь, так они уже и не считают себя чечен» (фр. 3б). Подобные изменения без смены культурной и религиозной идентичности воспринимаются местными карелами позитивно. При этом исходя из материалов интервью с карелами видно, что чеченцы живут достаточно обособленно экономически и культурно: «То есть в городе они вроде бы как есть, но меньше, как-то они поспокойнее стали» (фр. 8); «[Их] меньше видно, меньше видно» (фр. 7б).

Некоторые олончане положительно отзывались о сохранении мигрантами родного языка. «Конечно, единственное, что они всегда разговаривают на своем языке. Мне нравится даже как бы там. Может, кому-то не нравится, что мы не понимаем, что они говорят, но зато я четко вижу, что они сохраняют, не важно, где они живут. То есть они говорят, к нам, когда обращаются, по-русски, сами они говорят на своем языке» (фр. 8б). В то же время эта же собеседница высказала пожелание более глубокого знакомства приезжих с местной культурой: «Единственное, что хотелось бы, чтобы они больше знакомились с нашей культурой. <...> Мы ни в коем случае не хотим приобщать их к карельской культуре, но просто, чтобы они хотя бы знали, куда они приехали, и чем мы тут живем».

Олончане, за редким исключением, ответили, что чеченцы не смогут стать «своими» в обществе Карелии в связи с религиозными и культурными отличиями, образом жизни: «Не думаю (пауза). Не думаю. Ну, во-первых, они мусульмане. Они мусульмане! И вот эти вот религиозные

моменты они напрочь отпугивают» (фр. 5б). *«Понятно, что они от своей культуры не откажутся, что это у них в крови»* (фр. 7а). При этом происходит взаимодействие в экономической сфере, *«в каких-то таких денежных отношениях»*. Действительно, два собеседника (мужчины) сказали, что имеют постоянные рабочие контакты с чеченцами, дружеских и/или семейных — никто их опрошенных карелов. Услышав проективный вопрос о том, стали бы карелы заводить приятельские отношения с соседом — представителем одной из «южных национальностей», многие избежали прямого ответа, подчеркивая приоритет межличностных отношений: *«Соседи всегда отношения завязывают! Тебе некуда деваться (засмеялась). Все-равно как-то. (пауза) Мне кажется, что да. (пауза) А люди разные. Можно даже с русским жить как кошка с собакой. Это все от человека зависит»* (фр. 8а).

Карелы Костомукши при ответе на вопрос о переселенцах назвали представителей различных регионов России и зарубежья, в том числе армян, азербайджанцев, даргинцев, таджиков, узбеков, дагестанцев, грузин, чеченцев и др. (перечисление дано по частоте упоминания). Данная вариативность, безусловно, объясняется спецификой и историей города. Костомукша — относительно молодой город. Основанный в 1974 г. как поселок строителей, статус города он приобрел в 1983 г. Особое положение Костомукши — участие в его строительстве рабочих из Финляндии и других регионов России, малочисленность северного края — обеспечили городу «миграционное притяжение»: население города, выросшего в национальном районе Карелии, составили выходцы из самых различных регионов страны, представители более 30 национальностей (Илюха 1994: 6, 13). Среди них не только представители народов Кавказа и Средней Азии, которым уделяется преимущественное внимание в статье, но и украинцы, белорусы, карелы, башкиры, мордва и др. Заметим, что до конца советского периода для местного населения из соседних карельских деревень и сел сохранялась сложность трудоустройства в Костомукше.

В ответах костомукшан было меньше напряженности, оценка города как основанного мигрантами обеспечила высокую степень толерантности к различным культурам и этническим традициям. Несмотря на то что «этническая палитра» города складывалась преимущественно в советские годы, последствия интернациональной идеологии, а также вклад переселенцев в строительство города определили достаточно лояльное отношение и к новым волнам мигрантов, приехавшим не на «всесоюзную стройку», а в качестве трудовых мигрантов или беженцев. Карелы Костомукши говорили об отсутствии отличий в образе жизни переселенцев и местного населения, отдавали приоритет региональной идентичности: *«Ну, и они*

такие же местные, потому что родители их приехали, и они кто-то с маленького возраста, а кто-то здесь родился. Вот так вот. То есть они тоже считают себя карелами. Вот они куда-то ездят и когда спрашивают, они так и говорят — «мы карелы». То, что там глаза узкие и борода, как чеченец, — это не важно. Так и говорит, «я карел». А то, что в паспорте написано «чеченец». Это уже не говорится <...>. Нет, от нашего ничем [не отличаются]. Абсолютно. Такие же рыбаки, ягодуники и грибуники. И так же природу любят. И русскую баню, и карельскую, и в сауну ходят как заправские карелы» (фр. 9). В этом отрывке прослеживаются сразу несколько маркеров, одновременно подчеркивающих и нивелирующих этнические границы. В первом случае это фенотипические признаки и место рождения, во втором — более значимом для собеседника — образ и ритм жизни, усвоенный человеком в новом месте.

В Костомукше больше, чем в Олонце, карелы-горожане включены в межэтническое взаимодействие, что не в последнюю очередь связано с отраслевой монопрофильностью города. Горно-обогачительный комбинат является градообразующим предприятием, основным местом трудоустройства горожан: «У меня в компании много человек было, но у нас и немец, чеченец, Дагестан, я — карел местный. Кто-то русский. Кто-то, я не знаю, с Мордовии. Там, казах» (фр. 9а). Вопрос о том, могут ли переселенцы стать «своими», подчас подчас вызывал недоумение у карелов, которые подчеркивали их фактическую интеграцию в местное сообщество:

Интервьюер (далее И): Скажите, а могут ли переселенцы стать своими в Костомукше и в Карелии?

Информант (далее Инф): Так они уже стали. И не раз станут. Это никому не денешь, если у людей где-то беда, неспроста они сюда приехали. <...> Это уже бывало не раз, и время показывает, что надо жить мирно, дружно» (фр. 10а).

Негативные этнические стереотипы и установки в отношении мигрантов все же встречались: «Хохлы. Много хохлов (смеется). Ну, карелов тоже много. <...> Есть эти (пауза) Скажите (пауза) Есть хачики эти (шепотом, показывает в сторону кухни кафе, в котором проводилось интервью)» (фр. 11). Этот конкретный пример иллюстрирует производство этнических границ, локализацию этнических стереотипов, в том числе посредством невербальной коммуникации. Использование в речи прозвищ также свидетельствует об этнической иерархии (либо конкретных людей, либо этнической группы полностью).

Результаты опроса карелов Петрозаводска не дают возможности представить выводы в такой концентрированном виде, как это сделано по Олонцу и Костомукше. Интервью в республиканском центре в силу его

полиэтничности и поликультурности представляют диаметрально противоположные мнения. С одной стороны, собеседники, как в Олонце, часто обходили разговор о представителях кавказских республик: *«Сейчас у нас в республике довольно много как раз представителей (пауза), ну, я не говорю, с южных республик, азиатских, но вообще с юга, которые, скажем так, более (пауза) шумные»* (фр. 12). С другой — карелы иногда подчеркивали схожесть традиций — своих и переселенцев: *«И еще карелов связывает то, что они, в отличие от финнов, соблюдают тесные родственные связи. <...> Может, скажем там, где-то в России у украинцев, у белорусов тоже такое вот. И в кавказских (улыбнулся, пауза), в кавказских республиках, такие люди кавказской национальности у них тоже это (пауза) [тесные] родственные связи»* (фр. 13). В настоящий момент данные нашего качественного исследования не позволяют делать широкие обобщения. Вместе с тем опубликованы результаты массового социологического опроса 2005–2007 гг., касающиеся конкретного возрастного среза — финно-угорской молодежи. Они свидетельствуют о высоком уровне нетерпимости в республиканском центре: 46 % информантов указали, что испытывают неприязнь к представителям различных этнических, религиозных или других социальных групп (Милюкова 2006: 115). Автор статьи указывает, что это связано с размером города: чем крупнее населенный пункт, тем острее оказывается проблема межэтнических отношений.

Итак, в г. Костомукше, фактически основанном переселенцами, при сохранении градообразующего предприятия, этническое взаимодействие между местным и приезжим населением практически неизбежно, одновременно выраженность этнических границ слабее. Образ «другого» в Костомукше чаще оказывался размыт или связан с перечислением «народов», участвовавших в строительстве города и проживающих в нем до сих пор. Эмоциональная оценка карелами переселенцев в Костомукше содержит в целом больше положительных характеристик, основанных на схожести образа жизни мигрантов и местных жителей, подчеркивается их интегрированность в жизнь города. Однако мигранты Костомукши далеко не во всех случаях описывали благоприятную картину (см. фр. 21 и 22).

Карелы Олонца проявляли больше осторожности во время разговора о переселенцах, подразумевая при этом конкретную этническую группу — чеченцев. Невербальные признаки, как-то: создание дистанции между собой и интервьюером при переходе к вопросам о переселенцах — указывали на неготовность многих собеседников говорить на тему межэтнических отношений. Эти данные расходятся с результатами социологиче-

ского опроса финно-угорской молодежи. Согласно ему, оценка молодежью межэтнических отношений зависела от места жительства. Школьники Олонецкого и Калевальского районов оказались настроены наиболее миролюбиво по сравнению со школьниками Сортавалы и Петрозаводска (Милюкова 2006: 114). Возможно, это расхождение связано с тем, что выборка массового опроса включала сельские населенные пункты (Олонецкий район вместе с районным центром). Наше исследование проводилось исключительно в городах.

Образы карелов у мигрантов: маркеры «(не)заметности» карелов

Вопросы, адресованные мигрантам относительно их осведомленности о карелах, намечают этнические границы и ориентиры, которые, во-первых, характеризуют значимость конкретных этнических признаков для самих приезжих; во-вторых, структурируют этническое пространство мигрантов в новом месте жительства. В этой связи обращает на себя внимание выделение мигрантами языковых практик как важного этнодифференцирующего признака. Отметим, что карельский язык в настоящее время практически полностью вытеснен из сферы повседневного общения в республике, особенно в городах и крупных поселках. На этот момент обращали внимание новые жители: *«И потом здесь же карелов так-то не видно. Мы же не знаем, кто карел, а кто русский. Как отличить? Я, например, не могу. <...> Язык и тот почти не слышен в Петрозаводске»* (фр. 14. Ср.: фр. 86); *«Карелы? <...> Я даже не спрашиваю. Карелы и русские. Для меня все русские, даже украинцы. Для меня все, если говорят по-русски без акцента, значит (пауза) Но есть один карел знакомый. <...> Они почти как по-финскому говорят»* (фр. 15); *«Когда на распределении я услышал Карелия, то я считал, что речь идет о корейцах*, так как корейцы — мы знали — возделывают луковые поля»* (фр. 16). В ходе интервью информантам предлагалось назвать несколько знакомых карельских слов. Некоторые собеседники с этой задачей справлялись. Иногда родители-информанты обращались за помощью к детям, поскольку последние изучали карельский язык в школе. Факты изучения переселенцами карельского языка в школе редки — четыре случая среди 22 опрошенных. В целом большинство опрошенных признавались в том, что они

* Хрестоматийный сюжет о путанице карелов и корейцев нам рассказывали и сами карелы: *«Одна тетушка [в Ярославле] сказала, что корейцы тоже люди. Она подумала, что мы ускоглазые»; «Они [в военной части Ленинградской области] сначала фамилию, когда прочитали, подумали, что финн. А потом некоторые говорили, почему не ускоглазые. Карелия для них была как Корея»* и др.

были мало осведомлены о Карелии и карельской культуре, приезжая в республику. Такое положение сохраняется и в настоящее время. Лишь одна информантка упомянула, что после приезда в республику «с детьми Сампо вот читала», имея в виду, по-видимому, карело-финский эпос «Калевала», в котором мельница Сампо является одним из центральных магических и символических предметов.

Другим этническим маркером, которые отмечали переселенцы (преимущественно проживающие в Карелии с 1990-х годов) были позитивные изменения этнической идентичности карелов: «В последнее время люди начали больше гордиться, что они карелы. Раньше, например, 1990-е годы, мое мнение, я думаю, что они даже стеснялись сказать. А сейчас, наоборот, больше они говорят, что они карелы. Уже с гордостью» (фр. 20). Отметим, однако, что актуализация этничности среди коренного населения локализуется преимущественно в крупных населенных пунктах, поддерживается так называемыми культурными посредниками (этническими активистами, работниками культуры и образования, краеведами, научным сообществом), транслируется через средства массовой информации.

Мигранты, имеющие трудовые или дружеские отношения с карелами, категоризировали их с помощью черт характера*: «Вот знаете [деревня] есть. <...> Я там купил дачу, мне разрешили. <...> У них [карелов] двери не закрывались. <...> Всегда открыты. Насколько понятие кража и воровство отсутствовали! Такого понятия нет! Они как люди, которые тебе душу отдадут. “Рыба нада, Асад?” (улыбается). <...> Баню они мне построили. Я не пользовался их добротой, ни в коем случае. Нет. <...> Я чем могу им тоже помогал. Мне этот народ вообще приятен. Во всех отношениях» (фр. 16а); «Тихие, спокойные, иной раз замкнутые в себе. Можно смело в пограничники их призывать. (смеется). Слова у них не выманить иной раз. Иногда кажется, если можно так назвать, экосистема немного изолирована от остальных этногрупп. <...> Были мы в Суднозере. <...> Но очень настороженно относятся к нам. <...> Пришлось искать диалог с людьми» (фр. 17); «Не взрывные люди. Эмоционально не импульсивные. Мне такая черта характера и на родине никогда не нравилась» (фр. 18).

Наряду с высказываниями, характеризующими карелов как народ тихий, незлобивый, называются и такие черты, как упрямство и даже полная противоположность — агрессивность: «Карелы — они немного упрямые, может быть. Если русскому сможешь объяснить. <...> Я могу его переубедить. А вот карела труднее. <...> Я даже по работе знаю» (фр. 18);

* Об автостереотипах карелов см., например: (Литвин 2017а; 2017б).

«Была жениcina, она что-то продавала. <...> Я что-то хотела попробовать, выбрать, я не помню. И она, такая агрессия: “Не трогай. Не будешь покупать, давай иди отсюда. Другие национальности надоели”. Она такая агрессивная была вот, и начала по-карельски разговаривать. И я решила, что это сто пудов не русская, русская не стала бы со мной так разговаривать» (фр. 19). В двух последних высказываниях проявляется опыт общения информантов с карелами, более богатый в первом случае и весьма поверхностный во втором. Отметим, что звучащий во втором высказывании дискурс иллюстрирует реактивный механизм создания негативного стереотипа: достаточно одного отрицательного опыта для того, чтобы весь народ «стал агрессивным».

В целом представление переселенцев о карелах базируется на межличностном взаимодействии и отличается отрывочными знаниями об их традициях и культуре. Даже жители «карельского» Олонца и Костомукши, вблизи которого расположена карельская рунопевческая деревня Вокнаволок, имеют весьма смутное представление о культуре «титульного» этноса республики. Удивительно, что это касается не только недавно приехавших жителей, но и тех, кто живет здесь более 10–15 лет.

Среди значимых этнодифференцирующих признаков мигранты «выбрали» карельский язык, который практически не используется в городе как средство ежедневного общения. На этом основании опрошенные переселенцы делали вывод о «незаметности» карелов. В этой связи показательным является фрагмент 19, который, несмотря на печать негативного опыта взаимодействия, обозначает линию этнической демаркации, отличности карелов: «...начала по-карельски разговаривать. И я решила, что это сто пудов не русская».

Зоны повышенного напряжения на (этнических) границах

Обратимся к отражению общественно-политических событий в Карелии в сфере межэтнических отношений на уровне повседневно-бытового дискурса. Сюжет сложно обойти стороной, поскольку конфликт в г. Кондопоге, д. Куйтеже (Олонецкий район) и другие инциденты получили большой резонанс на федеральном и даже международном уровнях. Как было показано, указанные процессы и повседневно взаимодействие жителей Олонца с мигрантами довольно четко определяет этническую границу. В то же время некоторые собеседники говорили о негативном влиянии средств массовой информации при описании кондопожских событий на формирование образа переселенцев из Чечни (фр. 5). Конфликты в г. Кондопоге, как и проявление национализма вообще, так или иначе становились предметом беседы с нашими информантами.

Выявленный нами мотив этнической конкуренции и перераспределения отдельных экономических ниш на локальном уровне обсуждался с карелами. Этот сюжет затрагивался и в интервью с чеченскими переселенцами из Олонца:

И: Скажите, а по линии бизнеса, были ли у вас когда-нибудь проблемы, так скажем, с населением, которое здесь на территории?

Инф: *С населением у меня проблем не было, по линии бизнеса всегда были проблемы с властью. <...> Они всячески пытались мешать. <...> Особенно в 90-е годы, когда война шла. Установка была. Это не секрет ни для кого. Не давать ни одному чеченцу работать, жить и сдохнуть. Была такая установка. Они старались. Я думаю, что они вреда этим не нанесли, почему? Потому что они научили правильно вести бизнес. Они научили, чтобы было все правильно. Все с буквы закона. Когда в последние разы приходили, они сами удивлялись этому порядку, который у меня есть (фр. 20в. Ср.: фр. 2а, 3, 4).* В приведенном фрагменте видно, что анализ процессов оценивался информантом как положительный опыт, позволивший ему интегрироваться и принять региональные особенности ведения бизнеса (см. выделение полужирным шрифтом во фрагменте).

Вместе с тем часть собеседников описывала ситуации межэтнической напряженности не в экономическом пространстве, а на уровне повседневного взаимодействия с местным населением в целом. Одной из часто повторяющихся тем интервью стало отношение местных жителей к переселенцам с Кавказа, которое они охарактеризовали как двуличие: «Я вот только с апреля стал здесь, то есть открыл эту лавочку, а до этого ездил же. Люди, кто меня не знает, считают меня русским, и называют вот [других]: “чурки, черные”. Взрослые люди! Понимаете? И они со мной <...> общаются, как будто я русский. И я киваю головой. И думаю, что же Вам эти чурки сделали плохого? (смеется) Вот понаехали они, но что вот в этом такого. Но есть люди нормальные. А потом люди, которые узнают, откуда я, то [они] совершенно меняются. Получается, лицемерие глубоко-глубоко спрятано» (фр. 21). Данный пример примечателен местом (интервью было проведено в г. Костомукше, который описан карельским населением как благоприятное для приезжих место жительства), а также методом получения информации (в силу своей внешности информант смог стать «инсайдером» в отношениях с местными жителям). В другом случае и в другом городе выраженные антропологические черты, напротив, определили иной стиль взаимоотношений с местным населением, который информант характеризовал как «недоверие»: «Я просто ощущаю, когда с кем-нибудь общаюсь. Допустим, встретился с таким же человеком простым — с русским, с карелом. Не знаю. Бывает такое у людей. Но это,

наверное, правильная такая реакция, что видно недоверительное отношение. И причем это недоверие из-за внешности. Стереотип. <...> Неприятный осадок у меня остается, конечно» (фр. 18а).

В текстах интервью присутствуют рассказы, свидетельствующие о других фактах проявления национализма в Карелии на бытовом уровне, например при попытке аренды квартиры: «[Арендодатель спрашивает] “А Вы какой национальности?” [Отвечаю] “А какое это имеет значение?”. [Говорят] “Мы кавказцам не сдаем. Узбекам, всем остальным мы не сдаем. Только славянам”» (фр. 22).

Иллюстративными для понимания уровня ксенофобии в обществе являются ситуативные обстоятельства и воздействия. Так, в одном из интервью молодая женщина рассказывала о реакции на ее появление в общественном пространстве города после взрыва в метро Санкт-Петербурга в 2017 г.: «Получается, я села около водителя [на следующий день после информации о взрыве в метро], а рядом со мной было еще около метра. И люди просто так вот толпились, как будто я сейчас взорвусь или что-то такое сделаю. И это очень меня смутило» (фр. 23).

Отметим, что в словах опрошенных нет обвинения в адрес принимающей стороны. Более того, возникновение социальной дистанции объясняется информантами поведением мигрантов: «*Может быть, этому есть причины. Мы тоже не самые хорошие. У нас тоже есть те, которые дают людям напрячься, так скажем. Может быть так. Хотя у всех есть. Что делать. И тут не все золотые*» (фр. 20а).

В целом на основе приведенных высказываний о межэтнических отношениях в республике в качестве зон напряженности между переселенцами и принимающим обществом можно выделить экономический фактор, поведенческий компонент, а также открытое информационное пространство, которое формирует образ мигранта и влияет на его восприятие у местных жителей.

Заключение

На уровне политической риторики Карелия традиционно рассматривалась как территория согласия, а карельское общество — как обладающее высоким уровнем культуры толерантности (Бирин 2012). Действительно, на фоне некоторых других регионов России уровень межэтнической напряженности в Карелии в целом низкий — от 2,5 до 5 % населения региона испытывали недоверие или неприязнь к себе из-за своей этнической принадлежности (Хайкин 2018: 7). Вместе с тем материалы мониторинга 2016 г. детализируют эти данные и указывают на их неоднозначность. В частности, сравнительный анализ с другими «национальными» респуб-

ликами свидетельствует, что карелы реже, чем, например, татары Республики Татарстан, оценивали межнациональные отношения как благоприятные и спокойные (55 % карел и 82 % татар) и чаще как внутренне напряженные (Этничность и межнациональные отношения 2017: 10). В этой связи представляется полезным обратиться к рассмотрению межэтнических отношений с помощью качественных методик. Материал статьи позволяет говорить о некоторых тенденциях в этой сфере, которые проявились в интервью с информантами.

На основе анализа интервью с карелами удалось наметить образ мигрантов, который содержит пространственные (Олонец — Костомукша) и временные (тогда — сейчас) маркеры.

Этническая граница в Олонце более плотная. Она определяется на основе культурных (включая нормы поведения), религиозных отличий, а также пролегает в экономической сфере. Пережитый опыт 1990-х годов, безусловно, повлиял на образ мигранта в Олонце — он более рельефный (связан с одной этнической группой), имеет эмоциональную окраску, выраженную в том числе в невербальных жестах, временную протяженность (оценка взаимодействия с позиций «тогда — сейчас»). Ситуация «тогда» оценивалась чаще негативно, положение «сейчас» описывалось как более благоприятное.

Образ мигранта в Костомукше оказался размыт, чему способствовали история города, наличие одного градообразующего предприятия, работа на котором предполагает взаимодействие людей различного происхождения, а также миграционные потоки, не заданные каким-то одним регионом исхода переселенцев. В то же время некоторые высказывания местных жителей и оценка мигрантами готовности местного общества к их принятию не позволяют делать выводы об однозначно благоприятной с точки зрения межэтнических отношений ситуации. Причины напряжения и «болевые точки» еще предстоит изучить.

Интервью с карелами Петрозаводска пока не позволяет делать обобщения в каком-либо ключе, как это сделано по Олонцу и Костомукше. В силу полиэтничности и поликультурности республиканского центра высказывания информантов имели часто противоположные мнения. Данный сюжет нуждается в дальнейшем развитии.

Мигранты редко выделяют карелов в пространстве города. В поле зрения не попали их антропологические признаки. Этниодифференцирующим признаком мог бы служить карельский язык, который, однако, в настоящее время не используется как средство ежедневного общения карелов-горожан. Маркером отличия являлись черты национального характера, которые описывались мигрантами в случае длительного обще-

ния с карельским населением. Среди наиболее распространенных назывались такие характеристики, как «тихий», «спокойный», «скрытный», «доброжелательный». Отмечалось упрямство карелов. Место жительства, пол информанта никак не влияли на изменение этого ряда стереотипных понятий. Опрошенные более старшего возраста проявляли большую готовность к описанию «национального характера» карелов.

Кондопожские и другие события и общее информационное пространство, а также случаи межличностного взаимодействия мигрантов с местным населением создают определенные точки напряжения, которые локализуются преимущественно в повседневной сфере.

Считается, что ведущим фактором дестабилизации межнациональных отношений в регионах является слабость темпов интеграции в различные сферы жизни. Наше исследование подтверждает данный тезис и дополняет его другим важным фактором в глазах принимающего общества — значимость представлений о равенстве возможностей для всех категорий граждан. Несмотря на примеры существования межэтнического напряжения, в Карелии в целом существует готовность со стороны местного общества (без этнической привязки) к взаимодействию с мигрантами в различных сферах экономической деятельности. Не требует доказательств тот факт, что реальные межэтнические отношения влияют на стереотипы. Вместе с тем этнопсихологи подчеркивают, что именно от характера отношений зависят основные измерения стереотипов. Предполагаем, что взаимодействие в экономической сфере при равных стартовых возможностях может стать фактором и культурного обмена в Республике Карелия.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке программы фундаментальных научных исследований РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России», подпрограмма «Культурно-сложные общества: понимание и управление», в рамках госзадания КарНЦ РАН (AAAA-A18-118030190092-2; AAAA-A18-118030190093-9).

Литература

Ахмадов Я.З., Баудинов И.Ч. (2017) Крах «великих» информационных операций — «Остенд», «Кондопога»: к новой внутренней политике. *A priori: электронный научный журнал. Серия «Гуманитарные науки»*, 2: 1–20 [http://apriori-journal.ru/serial/2-2017/Ahmadov-Baudinov.pdf] (дата обращения: 24.03.2019).

Бирин В.Н. (2008) Роль национальных общественных объединений Карелии в формировании межэтнической толерантности. *Толерантность: искусство*

ство жить вместе: мат-лы межрегион. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ: 10–15.

Бирин В.Н. (ред.) (2012) *Живем и работаем в Карелии (информационные материалы по вопросам социально-культурной адаптации мигрантов)*. Петрозаводск: Государственный комитет Республики Карелия по вопросам национальной политики, связям с общественными и религиозными объединениями.

Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. (2017) Интеграция мигрантов на местном уровне: результаты научно-практического проекта. *Социологические исследования*, 5: 110–117.

Гнездилов М. З. (ред.) (2006) *Аналитический вестник. О состоянии законодательства, приоритетных направлениях законотворческой работы в сфере обеспечения государственной национальной политики*, 29(317). [http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25780/] (дата обращения: 01.06.2019).

Готлиб А.С. (2004) *Качественное социологическое исследование: познавательные и экзистенциальные горизонты*. Самара: Универс-групп.

Джеглав Е.А. (2010) Этномиграционные процессы и социокультурный портрет населения Республики Карелия. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 126: 305–308.

Дробижина Л.М., Рыжова С.В. (ред.) (2017) *Информационно-аналитический бюллетень «Этничность и межнациональные отношения в социальном контексте»*, 3 [<http://www.isras.ru/publ.html?id=5528>] (дата обращения: 10.03.2019).

Зусман В.Г., Сиднева Т.Б., Гронская Н.Э. и др. (ред.) (2013) *Мультикультурализм или интеркультурализм? Опыт Австрии, России, Европы*. Н. Новгород: Деком.

Илюха О.П. (ред.) (1994) *История Костомукии: документы и материалы*. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ.

Клементьев Е.И. (2009) Кавказцы в Карелии. Степанов В.В., Тишков В.А. (ред.) *Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции*. М.: ФГНУ «Росинформагротех»: 131–143.

Клементьев Е.И. (2015) *Этносоциология в Карелии*. Петрозаводск: КарНЦ РАН.

Краснопольская И.И., Солодова Г.С. (2013) Социальное конструирование этничности. *Социологические исследования*, 12: 26–34.

Литвин Ю.В. (2017а) Этнокультурные идентичности карелок г. Петрозаводска. Суутари П., Давыдова-Менге О. (ред.) *Гибкие этничности: этнические процессы в Петрозаводске и Карелии в 2010-е годы: сборник статей*. СПб.: Нестор-История: 201–230.

Литвин Ю.В. (2017б) Этническая идентичность карелов: к вопросу об историко-культурных ориентирах и этнических границах. Балашова И.Г. (сост.) *Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization: materials of the V international scientific conference*. Prague: Sociosféra-CZ: 22–28.

Милюкова И.А. (2006) Межнациональные отношения в Республике Карелия глазами учащейся молодежи. *Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: мат-лы Междунар. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН*. Петрозаводск: КарНЦ РАН: 113–115.

Михель Е.А., Морозова Т.В. (2010) Институциональный подход к анализу трудовой эмиграции. *Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки»*, 7 (112): 88–92.

Рождественская Е.Ю. (2012) *Биографический метод в социологии*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Темнова Е.В. (2004) Современные подходы к изучению дискурса. Красных В.В., Изотов А.И. (ред.) *Язык, сознание, коммуникация: сборник статей*. М.: МАКС Пресс: 24–32.

Тишков В.А., Филиппова Е.И. (ред.) (2016) *Культурная сложность современных наций*. М.: Политическая энциклопедия.

Хайкин С.Р. (2018) МНО-маркер. Эмпирические индикаторы состояния межнациональных отношений и социальная практика. Презентация. *Всероссийский центр изучения общественного мнения* [<https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/19/Naikin.pdf>] (дата обращения: 11.05.2019).

Яловицина С.Э. (2008) Адаптация переселенцев в Карелии: некоторые гипотезы. Крылов П.В. (ред.) *Миноритетные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации*. СПб.: СПбПИПТ: 105–117.

Яловицина С.Э. (2018) Интерпретации процессов социальной адаптации мигрантов в Республике Карелия в биографических интервью. Морозова Т.В., Колесников Н.Г. (ред.) *Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: мат-лы V науч.-практ. конф. с междунар. участием*. Петрозаводск: КарНЦ РАН: 319–324.

Barth F. (1994) Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity. In: Vermeulen H., Govers C. (eds.) *The Anthropology of Ethnicity. Beyond “Ethnic Groups and Boundaries”*. Amsterdam: Het Spinhuis: 11–33.

Esteban J., Mayoral L., Ray D. (2012) Ethnicity and Conflict: Theory and Facts. *Science*, 336: 858–869.

Hagendoorn L., Pope E. (2017) Associations between Nationalist Attitudes and Exclusionist Reactions in Former Soviet Republics. In: Gijsberts M., Hagendoorn L., Scheepers P. (eds.) *Nationalism and Exclusion of Migrants: Cross-National Comparisons*. L.: Routledge: 209–225.

Wimmer A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multi-level Process Theory. *American Journal of Sociology*, 113: 970–1022.

Список информантов

- Фр. 1 — карел, 1981 г. р., Петрозаводск (место жительства)
Фр. 2 — карел, 1954 г.р., Олонец
Фр. 3 — карел, 1941 г.р., Олонец
Фр. 4 — карелка, 1941 г.р., Олонец
Фр. 5 — карел, 1978 г.р., Олонец
Фр. 6 — карелка, 1994 г.р., Олонец
Фр. 7 — карелка-1, 1978 г.р., Олонец
Фр. 8 — карелка-2, 1978 г.р., Олонец
Фр. 9 — карел, 1978 г.р., Костомукша
Фр. 10 — карел, 1977 г.р., Костомукша
Фр. 11 — карел, 1981 г.р., Костомукша
Фр. 12 — карел, 1968 г.р., Петрозаводск
Фр. 13 — карел, 1957 г.р., Петрозаводск
Фр. 14 — ингушка, 1969 г.р., Петрозаводск
Фр. 15 — армянка, 1982 г.р., Костомукша
Фр. 16 — аварец, 1956 г.р., Костомукша
Фр. 17 — армянин, 1982 г.р., Костомукша
Фр. 18 — узбек, 1964 г.р. Петрозаводск
Фр. 19 — азербайджанка, 1995 г.р., Олонец
Фр. 20 — чеченец, 1972 г.р., Олонец
Фр. 21 — даргинец, 1979 г.р., Костомукша
Фр. 22 — армянка, 1979 г.р., Костомукша
Фр. 23 — узбечка, 1997 г.р., Петрозаводск
Фр. 24 — даргинка, 1973 г.р., Петрозаводск
Фр. 25 — чеченец, 1971 г.р., Олонец

**IMAGES OF «FRIEND-OR-ALIEN»
IN IN-DEPTH INTERVIEWS WITH KARELIANS
AND IMMIGRANTS IN KARELIA***Julia Litvin*

(litvinjulia@yandex.ru)

Svetlana Yalovitsyna

Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (KarRC RAS),
Petrozavodsk, Russia

Citation: Litvin J., Yalovitsyna S. (2019) Obrazy "svoy-chuzhoy" v glubinnnykh intervyyu s karelamy i pereselentsami v Kareliyu [Images of «friend-or-alien» in in-depth interviews

with Karelians and immigrants in Karelia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 22(2): 147–172 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2019.22.2.6>

Abstract. The Republic of Karelia is often perceived as a «territory of tolerance» in terms of inter-ethnic relations. However, migration processes of the XX–XXI centuries correct this opinion (e.g. conflict in Kondopoga in 2006). The study of public discourse on indigenous and non-indigenous contacts is important for the formulation of regional national policy and the achievement of sustainable development. The aim of the article is to characterize the mutual images of Karelians and immigrants of the last 20–30 years in the Republic of Karelia and markers of ethnic and cultural boundaries between them. The information is based on biographical interviews conducted in three towns of the Republic of Karelia — Petrozavodsk, Olonets, Kostomuksha in 2018 with Karelians and immigrants from the Caucasus and Central Asia. In methodological terms, the authors are guided by the principles and approaches of interpretive sociology, and therefore use detailed unstructured interviews around the main research question about the nature of the relationship between immigrants and the indigenous population (Karelians). The multi-stage interpretation of the received materials (personal, collective, with the participation of respondents and researchers) allows authors to present a wide motivated picture of opinions about the nature of immigrants' relations with the Karelians. The study revealed spatial features of interethnic interaction in the towns of Karelia. Respondents fixed temporary changes in contacts between national groups, areas of misunderstanding and tension. The study identified markers of ethno-cultural boundaries (in particular, language and behavioral).

Keywords: ethno-cultural identity, migrants, host society, Karelia, stereotypes, ethnic boundaries, in-depth interview.

Acknowledgements

The study was financially supported by the RAS program of basic scientific research “Social and Humanitarian Aspects of Sustainable Development and Strategic Breakthrough of Russia”, subprogram “Culturally Complex Societies: Understanding and Management”, within the framework of the state task of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (AAAA-A18-118030190092-2; AAAA-A18-118030190093-9).

References

- Akhmadov Ya.Z., Baudinov I.Ch. (2017) Krakh «velikhkh» informatsionnykh operatsiy — «Ostend», «Kondopoga»: k novoy vnutrenney politike [The collapse of the «great» information campaign — «Ostend», «Kondopoga»: to the new domestic policy]. *Apriori: Elektronnyy nauchnyy zhurnal. Seriya «Gumanitarnyye nauki»* [Apriori: Electronic scientific journal. Series “Humanities”], 2: 1–20 [<http://apriori-journal.ru/seria1/2-2017/Ahmadov-Baudinov.pdf>] (accessed: 24.03.2019) (in Russian).
- Barth F. (1994) Enduring and Emerging Issues in the Analysis of Ethnicity. In: Vermeulen H., Govers C. (eds.) *The Anthropology of Ethnicity. Beyond “Ethnic Groups and Boundaries”*. Amsterdam: Het Spinhuis: 11–33.

Birin V.N. (2008) Rol' natsional'nykh obshchestvennykh ob'yedineniy Karelii v formirovaniy mezhethnicheskoy tolerantnosti [The role of Karelians non-governmental organizations in the formation of interethnic tolerance]. In: *Tolerantnost': iskusstvo zhit' vmeste: Materialy mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Tolerance: the mastery of living together: Proceedings of the transregional research-to-practice conference]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU: 10–15 (in Russian).

Birin V.N. (ed.) (2012) *Zhivem i rabotayem v Karelii (informatsionnyye materialy po voprosam sotsial'no-kul'turnoy adaptatsii migrantov)* [Lives and works together (information materials to the social and cultural adaptation of migrants in Karelia)]. Petrozavodsk: Gosudarstvennyy komitet Respubliki Kareliya po voprosam natsional'noy politiki, svyazyam s obshchestvennymi i religioznymi ob'yedineniyami (in Russian).

Brubaker R. (2004) *Ethnicity without Groups*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Drobizheva L.M., Ryzhova S.V. (eds.) (2017) *Informatsionno-analiticheskiy byulleten' — Etnichnost' i mezhnatsional'nyye otnosheniya v sotsial'nom kontekste* [Informational and analytical bulletin — ethnicity and interethnic relations in a social context], 3 [<http://www.isras.ru/publ.html?id=5528>] (accessed: 10.03.2019) (in Russian).

Dzheglav Ye.A. (2010) Etnomigratsionnyye protsessy i sotsiokul'turnyy portret naseleniya Respubliki Kareliya [Ethnic and migratory processes and sociocultural portrait of the Republic of Karelia populations]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Review of Herzen state pedagogical university], 126: 305–308 (in Russian).

Esteban J., Mayoral L., Ray D. (2012) Ethnicity and Conflict: Theory and Facts. *Science*, 336: 858–869.

Gnezdilov M. Z. (ed.) (2006) *Analiticheskiy vestnik. O sostoyanii zakonodatel'stva, prioritetnykh napravleniyakh zakonotvorcheskoy raboty v sfere obespecheniya gosudarstvennoy natsional'noy politiki* [Analytical Bulletin. About the state of the legislation, priority directions of legislative work in the field of ensuring the state national policy], 29(317): 20–21 [http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/25780/] (accessed: 01.06.2019) (in Russian).

Gotlib A.S. (2004) *Kachestvennoye sotsiologicheskoye issledovaniye: poznavatel'nyye i ekzistentsial'nyye gorizonty* [Qualitative sociological research: cognitive and existential horizons]. Samara: Univers-grupp (in Russian).

Hagendoorn L., Pope E. (2017) Associations Between Nationalist Attitudes and Exclusionist Reactions in Former Soviet Republics. In: Gijsberts M., Hagendoorn L., Scheepers P. (eds.) *Nationalism and Exclusion of Migrants: Cross-National Comparisons*. London: Routledge: 209–225.

Ilyukha O.P. (ed.) (1994) *Istoriya Kostomukshi: Dokumenty i materialy* [History of Kostomuksha: Documents and Materials]. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU (in Russian).

Khaykin S.R. (2018) MNO–marker. Empiricheskiye indikatory sostoyaniya mezhnatsional'nykh otnosheniy i sotsial'naya praktika. Prezentatsiya [Empirical indicators of the interethnic relations and social practice. Presentation]. *Vserossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [Russian public opinion research center] [<https://wciom.ru/fileadmin/file/nauka/grusha2018/prez/19/Haikin.pdf>] (accessed: 11.05.2019) (in Russian).

Klementyev Ye.I. (2009) Kavkaztsy v Karelii [Caucasians in Karelia]. In: Stepanov V.V., Tishkov V.A. (eds.) *Novyye etnicheskiye gruppy v Rossii. Puti grazhdanskoj integratsii* [New ethnic groups in Russia. Ways of civic integration]. Moscow: FGNU «Rosinformagrotekh»: 131–143 (in Russian).

Klementyev Ye.I. (2015) *Etnosotsiologiya v Karelii* [Ethnosociology in Karelia]. Petrozavodsk: KarNTS RAN (in Russian).

Krasnopolskaya I.L., Solodova G.S. (2013) Sotsial'noye konstruirovaniye etnichnosti [Social construction of ethnicity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies], 12: 26–34 (in Russian).

Litvin Yu.V. (2017a) Etnokul'turnyye identichnosti karelok goroda Petrozavodsk [Ethnocultural identities of the Karelian women of Petrozavodsk]. In: Suutari P., Davydova-Menge O. (eds.) *Gibkiye etnichnosti: etnicheskiye protsessy v Petrozavodske i Karelii v 2010-ye gody: sbornik statey* [Flexible ethnicity: ethnic processes in Petrozavodsk and Karelia in 2010 years]. Sankt-Petersburg: Nestor-Istoriya: 201–230 (in Russian).

Litvin Yu.V. (2017b) Etnicheskaya identichnost' karelov: k voprosu ob istoriko-kul'turnykh oriyentirakh i etnicheskikh granitsakh [The ethnic identity of Karelians: to the question of historical and cultural landmarks and ethnic boundaries]. In: *Ethnocultural identity as a strategic resource of consciousness of society in the conditions of globalization: materials of the V international scientific conference*. Prague: Sociosféra-CZ: 22–28 (in Russian).

Mikhel Ye.A., Morozova T.V. (2010) Institutsional'nyy podkhod k analizu trudovoy emigratsii [Institutional approach to the analysis of labor emigration]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Obshchestvennyye i gumanitarnyye nauki* [Proceedings of the state Petrozavodsk university. Series: Historical sciences and archeology], 7 (112): 88–92 (in Russian).

Milyukova I.A. (2006) Mezhnatsional'nyye otnosheniya v Respublike Kareliya glazami uchashcheyasya molodezhi [Interethnic relations in the Republic of Karelia through the eyes of studying youth]. In: *Materialy Mezhdunarodnoy konferentsii, posvyashchennoy 60-letiyu KarNTS RAN. Severnaya Yevropa v XXI veke: priroda, kul'tura, ekonomika* [Proceedings of the International conference dedicated to the 60th anniversary of the KarRC RAS. Northern Europe in the 21 century: nature, culture, economy]. Petrozavodsk: KarNTS RAN: 113–115 (in Russian).

Rozhdestvenskaya Ye.Yu. (2012) *Biograficheskiy metod v sotsiologii* [Biographical method in sociology]. Moscow: Izdatel'skiy dom vysshey shkoly ekonomiki (in Russian).

Temnova Ye.V. (2004) Sovremennyye podkhody k izucheniyu diskursa [Modern approaches to the study of discourse]. In: Krasnykh V.V., Izotov A.I. (eds.) *Yazyk, soznaniye, kommunikatsiya: Sbornik statey* [Language, consciousness, communication: Collection of articles]. Moscow: MAKS Press: 24–32 (in Russian).

Tishkov V.A., Filippova Ye.I. (eds.) (2016) *Kul'turnaya slozhnost' sovremennykh natsiy* [The cultural complexity of modern nations]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya (in Russian).

Varshaver Ye.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. (2017) Integratsiya migrantov na mesnom urovne: rezul'taty nauchno-prakticheskogo proyekta [Migrant integration at the local level: results of a research and practice project]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 5: 110–117 (in Russian).

Wimmer A. (2008) The Making and Unmaking of Ethnic Boundaries: A Multi-level Process Theory. *American Journal of Sociology*, 113: 970–1022.

Yalovitsyna S.E. (2008) Adaptatsiya pereselentsev v Karelii: nekotoryye gipotezy [Migrant adaptation in Karelia: some hypotheses]. In: Krylov P.V. (ed.) *Minoritetnyye etnicheskiye gruppy v Rossii v epokhu peremen: strategii i sposoby adaptatsii* [Minority ethnic groups in Russia during times of change: strategies and ways of adaptation]. St Petersburg: SPbPIPT: 105–117 (in Russian).

Yalovitsyna S.E. (2018) Interpretatsii protsessov sotsial'noy adaptatsii migrantov v Respublike Kareliya v biograficheskikh interv'yu [Interpretation processes of migrants social adaptation in the Republic of Karelia due to biographical interviews]. In: *Perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya prigranichnykh regionov: materialy V nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiyem* [Socio-economic development prospects of border regions: Proceedings of the research-to-practice conference with international participation]. Petrozavodsk: KarNTS RAN: 319–324 (in Russian).

Zusman V.G., Sidneva T.B., Gronskaya N.E. et al (eds.) (2013) *Mul'tikul'turalizm ili interkul'turalizm? Opyt Avstrii, Rossii, Yevropy* [Multiculturalism or interculturalism? Austrian, Russian and European experiences]. Nizhny Novgorod: Dekom (in Russian).